

ЗЕРКАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ КАК ПАРАМЕТР АНАЛИЗА ДАННЫХ ДВУЯЗЫЧНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Данный материал опирается на результаты двуязычного психолингвистического эксперимента на свободное ассоциирование, проведенного автором в феврале–марте 1998 г. на базе вузов городов Могилева и Минска; общее количество участников составило около 1300 человек. Примерно половине указанного числа участников эксперимента предлагались анкеты из 200 слов-стимулов на русском языке, второй половине – аналогичные анкеты на белорусском языке. В соответствии с традицией подобных психолингвистических исследований устойчивыми ассоциациями мы называем ответы, которые на один и тот же стимул встречались 5 и более раз (т. е. 1% и более от общего количества участников эксперимента).

Во время анализа данных, полученных в результате эксперимента, не мог не привлечь к себе внимания факт зеркального (взаимного) ассоциирования между стимулами: зеркальные ассоциации не только дают возможность получить представление об особенностях ассоциативной структуры слов, но и позволяют проследить степень взаимного вхождения слов в семантические поля, что, в свою очередь, позволяет рассматривать слова с точки зрения “смысловой зависимости”.

Обработка ответов информантов позволила выделить среди устойчивых ассоциаций в рамках белорусской части эксперимента 219 пар зеркальных ассоциаций и в рамках русской части эксперимента – 210. Однако при использовании информантами различных языковых систем зеркальное ассоциирование проявлялось по-разному. Обратим внимание на основные расхождения во взаимном ассоциировании слов-стимулов в белорусской и русской частях эксперимента, остановившись вначале на рассмотрении некоторых примеров безэквивалентных зеркальных реакций.

Одна из наиболее значительных с этой точки зрения групп состоит из пар стимулов, один из которых относится к классу прилагательных, а второй является существительным, которое в рамках разных языковых систем характеризуется отличиями в отношении категории рода. Так, среди белорусских зеркальных ассоциаций присутствует пара *горкі – лёс* (21–18), которой нет среди устойчивых взаимных ассоциаций в русском языке: белорусское существительное *лёс* принадлежит к существительным мужского рода, а русское *судьба* – к существительным женского рода. То же можно сказать и о парах белорусских безэквивалентных зеркальных ассоциаций *доўгі – час*, *кароткі – час* (белорусское *час* – м.р., русское *время* – с.р.), *лёс – цяжкі*, *ложак – мяккі* (*ложак* – м.р., *кровать* – ж.р.), *павольны – рух* (*рух* – м.р., *движение* – с.р.), *прыгожы – твар* (*твар* – м.р., *лицо* – с.р.), *тыдзень – цяжкі* (*тыдзень* – м.р., *неделя* – ж.р.).

Вероятно, объяснение этого явления затрагивает вопрос относительно системности лексики и способа ее хранения в сознании носителя языка. Все названные выше существительные – *лёс*, *ложак*, *рух*, *твар*, *тыдзень*, *час* – являются существительными мужского рода; в свою очередь, прилагательные в анкетах подавались в начальной форме, которая совпадает с формой именительного падежа единственного числа мужского рода. Психолингвисты, которые затрагивали проблему ассоциирования, уже давно обратили внимание на большое количество синтагматических ассоциаций, причем грамматическая зависимость значительного количества реакций на стимул проявляется не только в том, что в качестве реакций приводятся слова тех частей речи, которые способны вступать со стимулом в отношения подчинения, но и в том, что вербальная реакция подается в форме, соответствующей форме

слова-стимула. Так, значительная часть реакций-прилагательных приводилась информантами в анкетах во время опроса в родовой форме стимула.

Грамматическая зависимость реакций (в этом случае имеются в виду ассоциации не только синтагматические) находит свое отражение также и в скоординированности формы ассоциации (не только прилагательного) с формой стимула-существительного по категории числа. Так, в анкетах нашего эксперимента присутствовали стимулы *грошы – деньги* и *нажніцы – ножницы*. Во время реагирования на эти стимулы значительная часть информантов стремилась, с одной стороны, соотнести формы числа стимула и реакции, а со второй – подчеркнуть возможность существования разного количества (а также наличия/отсутствия) обозначенной словом-стимулом реалии. Вероятно, в этом случае лексическое и грамматическое значения вступают в интересное взаимодействие, что частично обуславливает такие реакции, как: *многа, шмат, мала, лічыць, няма* (белорусская часть словаря); *много, мало* (русская часть словаря).

Из сказанного выше логически вытекает вывод: во время процесса ассоциирования возможен и обратный процесс, это значит – форма стимула-прилагательного (в данном случае – форма рода) в определенной степени способна обуславливать (и обуславливает) выбор информантом того или иного существительного в качестве реакции, и при одинаковой степени смысловой связи стимула и реакций-вариантов в сознании носителя языка первоочередную реализацию получают те реакции-существительные, чья принадлежность к категории рода совпадает с родовой формой стимула. Поэтому правомерно допущение следующего характера: языковые единицы, которые хранятся в сознании носителя языка как система со своей специфической сложной организацией, при своем структурировании в “хранилище языковых единиц” объединяются не только по принципу смысловой связанности, но и с учетом грамматических характеристик слова (род и, возможно, число для существительных, вид для глаголов и др.). В пользу этого, на наш взгляд, говорит то, что подавляющее большинство реакций-существительных на стимулы-прилагательные (а последние приводились в анкетах в начальной форме) принадлежит к существительным мужского рода.

Возможно, именно в свете сказанного выше делаются понятными и некоторые, порой довольно существенные, количественные расхождения в реагировании эквивалентными при межъязыковом сопоставлении реакциями на соответствующие стимулы. Так, на стимулы *кіслы – кислый* в рамках обеих языковых систем были среди других получены ответы *яблык* и *лімон* (соответственно *яблоко* и *лимон* в русской части эксперимента). Но сразу бросается в глаза значительное частотное несовпадение названных реакций в белорусском и русском языках: при относительно сходной частотности

реакций *лімон* (бел., 100 ответов) и *лимон* (рус., 110 ответов) реакции *яблык* и *яблоко* (соответственно 119 и 19 ответов) по количественному показателю отличаются уже на порядок. Вероятно, последнее в определенной степени обусловлено отличием характеристик стимулов *яблык* и *яблоко* в отношении категории рода: белорусское *яблык* принадлежит к существительным мужского рода, а русское *яблоко* – к существительным среднего рода, и потому грамматически “более сходный со стимулом” вариант реагирования, как результат, при одинаковых альтернативных возможностях приводился чаще.

Необходимо заметить также, что расхождения в ассоциировании (в том числе – в зеркальном) редко вызываются одной причиной лингвистического или экстралингвистического характера; часто для объяснения особенностей ассоциирования необходимо рассматривать несколько причин в совокупности. Например, в русской части эксперимента наблюдается зеркальное ассоциирование стимулов *стул – мягкий* (6 – 21), которого нет в белорусской части: среди устойчивых ассоциаций отсутствует пара *крэсла – мяккі*, так как ответ *крэсла* как устойчивый на стимул *мяккі* не встречается. В то же время в качестве устойчивой реакции в белорусских анкетах на стимул *мяккі* информантами был дан ответ *стул*. Вероятно, для объяснения этого факта необходимо назвать две основные причины. Во-первых, это несовпадение внутренних семантических структур межъязыковой пары слов *крэсла – стул*. Во-вторых, это опять же несовпадение родовой принадлежности существительных *крэсла – стул* в разных языковых системах: *крэсла* принадлежит к существительным среднего рода, а *стул* – к существительным мужского рода. Как отмечалось выше, род стимула-прилагательного обуславливает выбор информантом определенного существительного в качестве реакции, направляя внимание носителя языка в первую очередь на существительные мужского рода.

Интересно проявляются при рассмотрении зеркального ассоциирования также реминисцентные ассоциации. Например, на стимул *зорка* самой частой реакцией (105 ответов) явилось слово *Венера*, которое среди устойчивых ассоциаций русскоязычных информантов вообще не встретилось; в то же время третья по частоте русская ассоциация *солнце* (в том числе 4 ответа *по имени Солнце*) не встречается среди ответов в белорусской части эксперимента; как результат – существование в рамках русской части эксперимента пары взаимных ассоциаций *звезда – солнце* (36 – 34).

Последнее связано с особенностью поведения реминисцентных ассоциаций. Даже для близкородственных языков, таких, как русский и белорусский в условиях билингвизма на территории Беларуси, имеет значение языковая система, к которой принадлежат слово-стимул и слово-ассоциат, для того, чтобы они оказались связанными между собой в процессе ассоциирования. Иначе говоря, значительная часть реминисцентных ассоциаций словно

“надиктовывается” языком как частью социально-культурной среды. Вероятно, это говорит о том, что для белорусско-русских билингвов даже близкие или тождественные межъязыковые эквиваленты являются относительно самостоятельными словами (каждое – в своей среде), а не обычными “переводами” слова с одного языка на другой. Подтверждают это и другие факты, зафиксированные в нашем словаре, причем источниками для “цитирования” в процессе ассоциирования могут являться самые разнообразные сферы функционирования языка и культурной жизни его носителей: литература, устное народное творчество, радио, телевидение, периодическая печать и т. д.

Интересно, что подобная ситуация наблюдается и в реагировании на слова, которые отражают общественно-политическую реальность на территории распространения языка; это хорошо иллюстрируется особенностями реагирования на стимулы *грамадзянін* и *гражданин*. Если на названный стимул около 6% белорусскоязычных информантов привели реакцию *Беларусь*, эта же реакция в русских анкетах составила только 3% от общего количества ответов, также примерно в два раза чаще русской части словаря в белорусской встречается реакция *беларус* (последняя в русской части проведенного нами эксперимента среди устойчивых ассоциаций вообще отсутствует). В то же время русская ассоциация *СССР* (7% от общего количества ответов) среди устойчивых ассоциаций белорусскоязычных информантов не встречается.

Таким образом, зеркальные ассоциации подтверждают определенную специфику каждой из лексических систем – русской и белорусской, – отражая общие и своеобразные черты их функционирования и хранения в сознании носителей языка. Для белорусско-русских билингвов даже близкие или тождественные межъязыковые эквиваленты в довольно значительной степени сохраняют самостоятельность в качестве лексических единиц с собственной семантикой, что выясняется посредством анализа реакций, полученных от информантов на эквивалентные при межъязыковом сопоставлении слова-стимулы во время психолингвистического эксперимента на свободное ассоциирование в рамках двух (белорусской и русской) языковых систем.